

И стал свет

Древние народы, осознавая свое особое место в мире, обожествляли все, от чего зависели. То есть осваивали пространство своего существования не только в физическом плане, но и в метафизическом. Метафизика имела большее значение для формирования древних культур, чем экономика. Все аспекты повседневности в той или иной степени были обусловлены сакральной природой сущих вещей. В античной мифологии, классической для всей западной цивилизации, на все стоящее имелось свое божество. Эти существа, ответственные за порядок вещей, наделялись всеми мыслимыми и немыслимыми достоинствами. Кроме, пожалуй, нравственных. Впрочем, божественное пренебрежение к морали от Ромула до наших дней свойственно всем власть имущим; известное дело – всякая власть развращает...

Богиня утренней зари звалась Эос; сестра Ге-лиоса и Селены, она стала матерью ветров и звезд. Как следует из олимпийских сплетен, эта дама даже среди нестрогих нравами античных богов отличалась легкомыслием. Афродита за блудни Эос с Аресом отомстила ей по-своему: вселила в нее постоянное желание. Оттого на рассвете мужчины и женщины томятся снами, которые друг другу не рассказывают... Впрочем, речь не об этом. По гори-

зонту античной Ойкумены Эос величественно шествует в такт гекзаметру Гомера: *«Но, лишь явилась Заря розовоперстая, вестница утра...»* Так в переводе Гнедича. А в буквальном переводе – *«с перстами пурпурными Эос...»* Римляне, перенявшие мифологию от греков, установили в вышних свой порядок. Эос в латыни назвалась Авророй; от слова *aura* – пред-рассветный ветерок. Аура утра – тихая радость.

Эта скромная ипостась вечной богини гораздо ближе русскому сердцу. В нашем пленэре ничего нарочитого, яркого, пестрого, ничего наспех и на-показ, – но сколько несказанной прелести в са-мых обыкновенных пейзажах, озаренных трепетным сиянием восхода! Палитра раннего утра – полупро-зрачный срез перламутра. Розовые, золотистые, сизые, сиреневые, зеленоватые, палевые цвета пер-реливаются друг в друга и растворяются в бледном огне рассвета. Не краски – оттенки. Занимается заря – и в нищем настоящем проявляется образ не-преходящего. Все, чего коснется Эос пурпурными перстами, заливаается нежным румянцем... как бы от смущения.

Каждое утро происходит обновление картины мира. Своего рода перезагрузка. В лесу, в саду, в городском сквере первой просыпается пернатая мелочь. Те незаметные пичуги, что с темнотой за-таились в листве, по мере видимости набираются храбрости и подают голоса, собираясь к утренней

перекличке. А вот непуганые вороны, те всегда на виду. С врожденным сознанием своей значимости, они привычно охорашиваются в преддверии делового дня, поправляя примявшиеся перья и полируя матовые клювы. Мрачные грачи смотрят на то неодобрительно. Пока бестолковые галки наперебой рассказывают друг другу свои сны, вездесущие голуби суетливо охаживают злачные места, ища пожрать. Блудные коты, возвращаясь из загула, не обращают на птиц никакого внимания: им бы добраться до дому и завалиться до обеда...

Я хочу найти образ рассвета, чтобы он встал перед внутренним взором как некий мираж, в котором больше настоящего, чем в тысяче суетных утренних случайных впечатлений. Может быть – это? По склону покатога берега, цепляясь клочками за кусты краснотала, сизый туман спускается к сонной воде, чтобы скоро исчезнуть, без следа растворившись в золотой дымке. Корова, по колено зашедшая в мелкую речку, будит смутную воду, и вода взбодрируется нервной рябью. Пологие волны расходятся кругами от опущенной коровьей морды, и солнечные блики золотыми щепками танцуют на разбегающейся воде. Напившись, корова поднимает голову и отмаргивается от солнца, ударившего в глаза. Тяжелые капли срываются с намокшей морды и сверкают в падении. Корову зовут Зорька; она рыжая, а против восходящего солнца кажется красной. Какое красивое и доброе слово – корова...

(Где я все это видел? Когда? Не помню, да это и не важно. Может, все это лишь снилось мне на летней заре, в счастливый месяц в деревне...)

Утро нарастает по всему земному простору, и по берегу, поросшему незабудками и лопухами, стелется едва слышный шепот. Ночная роса, конденсат лунного света, испаряется под первыми лучами солнца, и упоенные травы расправляют листья и стебли. Ветер, рожденный зарей (аура), набирает силу, поднимается от реки, разгоняется по лугу и пробегает по окраинам рощ. Деревья, начиная с опушки, стряхивают с крон остатки темноты, и несчетные мириады листьев поворачиваются к свету, чтобы уловить его в микроскопические реторты клеток, где происходит таинство фотосинтеза. Священные деревья и тихие травы, возмещая растраты жизненного ресурса, наполняют сферу мира живительным кислородом. Как легко, как вольно дышится на рассвете!

Мне хотелось написать эссе, в котором бы не было ни философии, ни морали, только то, что есть

само по себе... Но природа сознания не терпит пустоты; нет образа без смысла. Вся наша повседневность незримо пронизана метафизикой; стоит чуть ослабить рациональный регламент целенаправленного мышления... Видимо, имманентное свойство мышления – неустрашимое стремление к обобщению. Что особенно проявляется в литературном творчестве. Тем более настроенном на лирический лад. Из метафор и метонимий, с помощью которых я хотел воссоздать в тексте робкий и зыбкий утренний свет, все четче проступает скрытый в теме тезис: рассвет – это наглядный образ просветления.

Мы знаем, что ночь конечна, и эта уверенность дает силу мысли, опережающей время. Я где-то читал о племени, для которого в мире не было ничего непреложного. Странные люди! Их бедный разум не связал ход природы надежным узлом космогонического мифа, и все, что происходило с периодической регулярностью, каждый раз являлось для них полной неожиданностью. Заход солнца они воспринимали как мировую катастрофу. Темные люди собирались у догорающих костров и прижимались теснее друг к другу, пребывая в отчаянии и забываясь на краю бездны. Каждый рассвет случался для них как великое чудо. Когда первые лучи золотили вершины холмов, радость бытия потрясала их души, как радужный взрыв счастья. Ибо явление света знаменовало торжество добра и победу над смертью.

В подобную коллективную наивность сверх всякой меры и вне житейского опыта я, честно сказать, не верю. Скорее всего, это чей-то досужий вымысел – такая ироническая притча о непомерных претензиях детерминизма. Во всех известных мифологиях и метафизических системах граница ночи и дня является зоной неиссякаемого оптимизма. Главное – дожить до рассвета.

Рассвет в мире начинается по крику петуха, и все чудовища, рожденные сном разума, в новом свете утрачивают свою темную реальность. Мрачные демоны, князя тьмы, прячутся в глубоких провалах памяти и темных закоулках рассудка; мелкая городская нечисть тишком стекается в канализационные коллекторы, задраивая тяжелые чугунные люки; худосочные вампиры забываются кошмаром в тайных подвалах станции переливания крови. Так в городе. А в сельской местности... На берегу реки задремавший рыбак вздрагивает от тяжелого всплеска – это запоздавшая русалка возвращается домой, в тихий омут. Сказочные ведьмы как бы само собой превращаются в обыденных баб, обремененных житейскими заботами.

Должно быть, в предрассветном сне мне примеченный леший – тихо помешанный старик, заблудившийся в трех соснах на окраине пригородной рощи. *Мир таинственный, мир мой древний* – где ты? Невесть... Ладно; куда ночь, туда и сон. Утро вечера мудренее.

Когда рассветает, очевидец зари становится не свидетелем, а участником чуда. Ибо это явление природы наглядно представляет явление сущего из тьмы. Микрокосм, то есть человек, по сути идентичен макрокосму, то есть миру. Именно так на исходе сна пробуждается в нас сознание: сначала отдельными первичными элементами разума, затем связными блоками памяти, а потом – лавиной. В беспредельном мраке небытия разгорается малая искра божья – точка опоры нашей личности: это – я. Я есть. Я есть некто. Я есть где-то. Я – сущий в мире. Реальность возвращается из забвения, где она отдыхала от восприятия. Деревья и дома, холмы и овраги, города и дороги, люди и звери обретают очертания и наполняются сущностью. Доброе утро!

Книга Бытия начинается с явления света. *И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы.* В самом начале времени Бог внес в мир ясность. В процессе жизни накапливаются ошибки, и мир наших грез становится плотным и непрозрачным. Тьма берет реванш. Но не надо отчаиваться. Ночь никогда не бывает безрассветной. Рассвет – это возможность начать жить заново.

Светает. Из тьмы свет, из тишины звук. Утренняя тишина отличается от ночной, как молчание от безмолвия. Вот-вот забота дня соберется с мыслями и приступит к делу. Ритмичный стук поезда по горизонту словно расторопные ангелы на огромной швейной машинке наскоро пришивают небо к земле, закрывая от взоров звездную бездну, – чтобы люди не отвлекались свыше нужного на тайны мироздания, а занялись своими земными делами. Пора уже. Солнце взошло, и на все четыре стороны света – осиянные дали. До чего же все-таки хорош наш мир! Может, где-то есть еще краше – а по мне так лучше этого не выдумать. Пожить бы подольше...

Светает. Вот-вот настанет новый день. Настанет день... ветхозаветный пророк чешет в затылке: что он такое хотел предречь? Настанет день... Настанет, непременно настанет. Уже настал, пока мы к нему не спеша примерялись. Неповторимый. Невероятный. Невозвратный. Новый день: сегодняшний. В каком-то смысле каждый божий день – первый. Первый день наступающего будущего.

Закат. Элегия

Солнце садится, стекая по небосводу гаснувшей огненной каплей к неровной линии горизонта. Все краски мира густеют, наливаются темным сиянием, достигают насыщенности и понемногу гаснут. Эта фантастическая феерия в обыденном языке зовется закатом.

Заход солнца – таинство, в котором частный случай человека меркнет на фоне величественного явления природы. На закате пространство измеряется не мертвыми километрами дорог, а простой протяженностью и чистой длительностью: сколько обозреешь и насколько видишь, столько его и есть. Вот, сказалось: *его?* чего именно? Если бы можно было назвать, если бы можно узнать истинные имена вещей, чтобы получить над ними магическую власть. Зачем? Чтобы предотвратить их предательский уход, исчезновение во тьме, растворение во времени. Чтобы стало так: я называю радость этого дня по тайному имени – и она остается во мне навеки, составив небесную часть моего земного удела. Но так не бывает. Все проходит, элегически вздыхает библейский пророк, и это пройдет... На кромке дня мир замирает в неверном равновесии и озирается в зеркале заката.

На медленном огне заходящего солнца готовится колдовское варево вечера. Птицы, легкокрылые посредники между землей и небом, собираются в стаи и кружат над долами, словно вовлеченные в незримые разборки воздушных потоков. Золотая пыль осаживается на скатах крыш и верхушках деревьев, и обедневший воздух тускнеет, остывает и теряет прозрачность. В тени деревьев и по западной стороне улиц собираются сумерки.

Юг не знает такого заката. Там все иначе, эффективнее и проще. Полуденное солнце тяжелеет, скачивается к краю неба, какое-то время еще медлит на грани дня, слепя до последнего, – и, словно перезревший фантастический плод, взрывается раскаленной медной картечью, бьющей по глазам. И наступает тьма. У нас иначе. У нас закат длится так долго, что природное явление переживается как произведение искусства и превращается в мелодраму. Что чувствует человек, соучаствуя в таинстве заката? Томление духа. Неясную ностальгию. Бесцельную надежду. Беспредметное сожаление. Основная тональность русского вечера – тихая меланхолия. Грустно жить на этом свете, господа! И все же в созерцании угасающего дня есть нечто утешительное.

Затканная золотом кромка неба цепляется за неровности горизонта, оставляя меркнувшие клочья

по вершинам холмов и верхушкам старых елей. (Может быть, земля на самом деле все-таки плоская?) В палитре среднерусского заката предзадана колористическая гамма старых икон. Воспаленный кармин. Болезненная желтизна. Розовая блеклость. Невесомая синева. Темная зелень. Тусклое золото. Верится, что в спектре заката есть незримая примесь невечернего фаворского света. Если застоишься и засмотришься, становится как-то зыбко в себе. Слово душу тянет из тела в озаренные небеса. Кажется, что в зрелище заката нам приоткрывается сакральный смысл реальности.

Наш край земли скупее прочих на краски, но сколько тонкости в его сдержанной палитре! Размытая графика марта, подкрашенная гуашью; акварельная зыбкость перламутрового апреля, пастельная эскизность мая... Весенним сумеркам имманентна щемящая нежность. Только что было так хорошо, так весело сердцу – откуда же это помрачение? Неужели это все? Ну что ты! Все только начинается; вот настанет завтра...

Коротким и жарким летом глаза, истомленные солнечной щедростью, отдыхают на живописных красках заката. В летнем вечере нам дается блаженное отпущение забот дня. Восковые краски сентября наделяют закаты торжественной отрешенностью. Пейзаж золотой осени, высвеченный косым светом, – настоящий пир для зрения. Прощальный пир. За ним – аскеза зимы: карандашные эскизы, намечающие контуры предстоящей весны; черновики к проекту возрождения природы. А ныне все кругом и пусто, и грустно – обрывать... И только долгие закаты, теплящиеся лампадами в красном углу недвижных туч под низким небом тесной родины, обещают утешение.

В классические эпохи пейзаж, то есть сфокусированный искусством взгляд на природу, является важным инструментом культуры. Отчужденный в пейзаже вид на окрестности возвращается в восприятии как некая нерукотворная икона природы. Взор на картину мира как бы являет мировоззрение в сжатом виде. Этика, выраженная в отношении к природе, определяет образ жизни. Порча или потеря мировоззрения влечет смысловое голодание. А как следствие – вырождение способности к радости.

Потеря пейзажа из виду – опасный симптом. Человек, отрезанный городской чертой от природы, забывает свое место в структуре мироздания и растворяется в суете. По вечерней дороге в город мчат автомобили – как будто торопятся успеть до закрытия условных ворот крепости. Никто не

остановится полюбоваться на торжественный заход солнца. Никто хотя бы на несколько минут не остановит сутолоку в уме, чтобы увидеть свой путь на фоне заката и пожалеть о себе. Неоплатоник Ямвлих учил о философском отделении души от тела. Медитация на закате – одна из старинных надежных методик по упражнению духа в стойкости.

Вспоминается пронзительная метафора Аполлинера: *солнце с перерезанным горлом*. Когда заходящее солнце, разрезанное лезвием горизонта, растекается алым светом, сердце заходится необъяснимой тоской. День ли кончился, жизнь ли кончается? – но как короток и как тяжок наш удел на земле!

Даже в семнадцать лет нельзя не печалиться о своей конечности. Хотя бы иногда. Хотя бы на закате. Молодости нужна прививка печали – как вакцина от смертной тоски, поражающей незащищенное мудростью сердце сознанием тщеты. Чтобы перейти тьму и не сгнуться во мраке, надо всеми фибрами вобрать в себя этот уходящий свет, как мед в соты, чтобы напитать душу его горчащей негой на всю предстоящую ночь.

В духовной культуре Японии доминирует эстетическая концепция, поэтизирующая привкус горечи, таящийся в подвластной времени красоте предметного мира. Моно-но аварэ; в буквальном переводе – «грустное очарование вещей». Ощущение бренности, идущее от буддизма, наложилось на свойственное синтоизму благоговение перед природой. Наслаждение непрочной красотой опадающего дерева и текущей воды, темнеющей тени и тающего тумана сплавлено воедино с чувством быстротечности и непрочности земной жизни. В японской ментальности эстетика предшествует этике и в значительной мере программирует мораль. О, если бы можно было удержать в себе то стоическое благородство, что является в скорбном разуме на закате дня, – насколько бережнее мы относились бы к тому, что обречено тьме! Прежде всего, друг к другу...

На заходе солнца каждый из живущих особенно обостренно осознает свое экзистенциальное одиночество.

*На голой ветке
Ворон сидит одиноко.
Осенний вечер.*

Мацуо Басё, величайший поэт Японии, писал эти три строчки несколько лет. Невероятно. Невероятно, как ему удалось вместить столько мужества и печали, столько терпения и мудрости, столько

В каком-то смысле деревня та ось, вокруг которой вращается мир человека. Сама же она неподвижна. Недаром пастораль в культурном контексте помещается рядом с парадизом. Иной эдем трудно выдумать и незачем желать. Ибо сама идея рая самая немислимая из всех абстракций: апория, недоступная рассудку. Главное, что отличает вечность, – окончательность. А как ее нам вообразить? Запрет на изменения означает конец того бытия, которое мы знаем. Или хотя бы полагаем, что сопричастны ему всеми органами чувств и прикосновенны делом жизни. Того, что за пределом, нам не дано ни представить, ни тем более обосновать понятиями. Схождение во тьму? Или растворение в свете? И то и другое отменяет нас в личном плане. А кроме нас ничего нет.

Трудно быть человеком. Существо вида *homo sariens* явлено в мире как онтический парадокс: антиномия плоти неясного происхождения и духа неизвестной природы. Каждому человеку суждено прожить свою мимолетную вечность в пограничье света и тьмы. И уклониться от этой доли нельзя.

В прении добра и зла, продолжающемся от начала времен, протагонист культового романа «Мастер и Маргарита» в качестве неопровержимого тезиса предьявляет своему антагонисту парадоксальную истину. Назовем ее *апорией Воланда*: «*Что бы делало твоё добро, если бы не существовало зло, и как выглядела земля, если бы с нее исчезли тени? Ведь тени получают от предметов и людей... Не хочешь ли ты ободрать весь земной шар, снеся с него прочь все деревья и все живое из-за твоей фантазии наслаждаться голым светом? Ты глуп*». У меня такое чувство, что это сказано мне. И я не знаю, как защитить душу от дьявольской логики, отточенной до смертельной остроты... как нож неведомого злодея, таящегося во тьме моего незнания, как тать в ночи.

В своей сущей глупости я, как и все смертные, хотел бы в основных вопросах достичь просветления. И оттого так часто бываю сумрачен. Бедному Мастеру не обещано и не дано было Света. Ему Булгаков от имени Иешуа даровал покой. Покой ассоциируется с тихим теплым вечером – эпилогом благого дня и прологом доброй ночи. Нам же не дано покоя. Те из нас, кто не имеет заслуг перед вечностью, живут накануне Апокалипсиса. Это предчувствие появляется не из чтения пророка Нострадамуса, а спонтанно, само собой, как тоска с похмелья.

Зимой в России по ночам часто идет снег. Смотреть на ночной снегопад – одно из редких преимуществ бессонницы. На текущую воду, горящий огонь

и летящий снег можно глядеть часами. Может быть, потому, что в этих процессах видится нам немислимое совмещение движения и покоя. Даже самый прагматически устроенный человек подвластен этим древним чарам. Снежинки рождаются из бесконечной тьмы, впитывают в себя капельки растворенного в ней света и, мгновенными промельками подсвечивая воздух, доносят замороженный свет до земли, складировав в сугробы. Зимой вся Россия покрыта мириадами пудов омертвевших чешуек света.

Хотя где она теперь – вся Россия? Спросите об этом у вынужденных мигрантов. Тех, кто вернулся с порушенных рубежей. Тех, кто отвечает частной судьбой за геополитические просчеты бывшего общенародного государства. Карма мрака. Беженцы, вестники беды, зараженные несчастьем. Тьма накрыла их оставленные палестины, тьма затекла в их запавшие глаза. Им трудно быть оптимистами; слишком много лишнего узнали они о законах истории и беззакониях людей. Государство учитывает их в списках и успокаивает подачками. Общество ограничивается абстрактным состраданием. Вокруг них незримая полуса отчуждения. В их жизни длится черная полоса. Более благополучные современники и соплеменники надеются втайне: нас это не касается; они не мы. Не надо обманываться. В беженстве явлен образ нашей общей доли/недоли. Ибо изгнание – экзистенциальное сгущение человеческой участи.

В удел человека входит право и обязанность разумного устройства мира. Отсюда неизбежность истории. Здесь коренятся утопии и сюда падают семена идей, всходя идеологиями. Но – *сущее не делится на разум без остатка* (так кратко русский скептик Чаадаев переложил аксиому агностицизма, сформулированную сумрачным немецким гением Гёте). Все революционные процессы, особенно вдохновленные идеями Просвещения, обезличившего природу и обожествившего разум, происходили совсем не так, как задумывалось умниками. Крушение коммунизма оказалось особенно наглядным подтверждением теории относительности социальных истин. Поражение благих намерений в правах на действительность свидетельствует не о безграничности зла, но об ограниченности нашего понимания добра. В провалы истории вторгается хаос. В развалинах утопии плодятся и размножаются нужда и беда, ложь и злоба, страх и грех.

Но у человека нет иного выхода, как быть человеком. То, что понятие о добре неизбывно и неисребимо, дает необходимые и достаточные основания для мужества. Основная проблема тыся-

челетних метафизических и теологических дискуссий – оправдание добра. Имеет ли зло онтологическую природу, то есть наделено ли оно собственным бытием, или оно есть лишь ущерб, недостаточность, несовершенство, а потому может и должно быть устранено из истории? Объективно ли его наличие в мире или его привносит в мир падший человек, насилуя на свой манер предустановленную гармонию? В минувшем веке Россия была принудительно отлучена от сомнений, а Запад сокрылся от них в уютные тупики прагматизма, фрейдизма, аналитической философии, политической корректности et cetera. Благополучный обыватель, на ночь глядя из окна своей благоустроенной квартиры, не увидит ничего, кроме того, что на виду – спящей тьмы достижений технологической цивилизации. Сутолока огней сбивает с толку. Горизонт отодвинут, оттого и невдомек, что обступающий мрак густеет по границам.

Ибо свет истины рождается изнутри. Тот, который – добро. По Слову: *«И свет во тьме светит, и тьма не объяла его»* (Иоанн 1:5). Так было, и так будет, поелику глагол *быть* наделен реальностью. Удел человека противостоять первозданному хаосу. Удерживать себя. Концентрировать в себе растворенный во мраке свет и выделять его вовне. Даже если это занятие кажется безнадежным. Даже когда при полной ясности не видно ни зги. Даже когда не знаешь – зачем. Помня правило древнего христианского аскетизма, высказанное старцем Силуаном Афонским: *держи ум свой во аде и не отчаивайся*. Не отчаивайся, человек! Утро вечера мудренее.

Главное – не поддаться искушениям тьмы. Не верить лжи, соблазняющей ложным выбором. На самом деле выбора нет. Человек или будет человеком, или не будет вообще. В апокрифической книге Еноха (русской версии) сказано: *«После греха – ничего, кроме смерти»*. Грехопадение (отпадение от истины) описано там не как извращение естества мира, но всего лишь как изменение мысли о нем, заключающее отступника в им же очерченный круг ада. Гениальная метафизическая интуиция безвестного создателя апокрифа предвосхитила современные философские концепции соотношения материи и духа, реальности и виртуальности.

...

Во всякое время, ныне и присно человек востребован к ответу: человек ли он? Верный ответ только один. Человек должен собрать все свое мужество, чтобы ответить собой. И продолжать быть впредь. Вопреки всему. Вопреки очевидной силе неблаго-

приятных обстоятельств. Вопреки избыточности испытания и собственной недостаточности.

Пока человек не сдался тьме, он не побежден, даже если объят ею со всех сторон. Даже если ночь непроглядна. Даже если в доме напротив одно за другим гаснут последние окна. Даже если в лице, отраженном холодным стеклом, проступает что-то чужое.

В одну из черных ночей, сгустившихся над Парижем в годы немецкой оккупации, поэт Поль Элюар на ночь глядя сочинил белые стихи, ставшие мантрой Сопротивления: *«Ночь никогда не бывает безрассветной. Есть всегда – я это утверждаю – на дне лютого горя открытое и освещенное окно. Есть мечта, что бодрствует, желание, которое сбудется, голод, что нужно утолить, отзывчивое сердце, открытая протянутая рука, внимательные глаза и жизнь, которую готовы разделить с тобой...»* Поэт был прав. На то и поэт, чтобы свидетельствовать о свете. Ибо настоящая поэзия, как бы она ни была порой темна в своих метафорах, ближе к истине, чем любая идеология.

Пока человек стоит вот так, молча и упрямо упираясь лбом в ночь, – те, кто за его спиной, могут спать и видеть хорошие сны в обетовании неизбежного и скорого рассвета.

